

Разморозка после криогенного сна прошла успешно, и хотя внешне тело выглядело неплохо сохранившимся, реальное состояние оставляло желать лучшего.

Цзян Чэнь мог шевелить только глазами, совершенно не чувствуя остального тела. Такое состояние длилось больше недели, прежде чем он начал постепенно восстанавливать контроль над собой.

Он стал первым в истории медицины случаем успешного пробуждения, поэтому исследовательская группа относилась к нему с предельной осторожностью. Его наблюдали два месяца, дрожа от волнения, прежде чем решились выпустить из стерильной палаты.

В эти два месяца Цзян Чэнь по большей части спал. В редкие минуты бодрствования он видел родных: его сестра, Цзян Шилань, тоже пошла по научной стезе, брат, Цзян Хуэй, стал главврачом больницы высшей категории, а отец, Цзян Канлэ, которому уже перевалило за восемьдесят, до сих пор не вышел на пенсию.

Цзян Шилань рассказала, что медицина за эти годы совершила колоссальный рывок. Появились ингибиторы старения, поднявшие среднюю продолжительность жизни в стране с семидесяти шести до ста двенадцати лет. Цзян Канлэ начал принимать ингибиторы поздно, упустив «золотой период» для инъекций, но, будучи врачом, он всегда следил за здоровьем и занимался спортом. К тому же препараты постоянно совершенствовались, так что, если не случится ничего непредвиденного, он наверняка перешагнет столетний рубеж.

Цзян Чэнь вспомнил бодрый вид отца и почувствовал, как тревога в груди немного отступила. Он издал хриплое «угу» и почувствовал, как на него накатывает знакомая сонливость.

К счастью, подумал он.

Семья всё ещё рядом.

В стерильной палате долго оставаться было нельзя, поэтому Цзян Шилань укрыла брата одеялом и ушла.

Цзян Канлэ давно перевелся из исследовательского института, а вот Цзян Шилань работала здесь. Четыре года назад её повысили до заместителя директора, и сейчас она вела другие проекты. Когда Цзян Чэня перевели в обычную палату, она как раз освободилась.

Благодаря двухмесячной реабилитации Цзян Чэнь наконец избавился от заторможенности, а рак был побежден.

Хотя он всё ещё был худым, на лице больше не было предсмертной бледности. Его состояние заметно улучшилось, и он начал интересоваться делами семьи.

Когда у Цзян Шилань выдавалась свободная минута, она навещала брата и вкратце вводила его в курс дела.

Отец так и не женился повторно, а они с Цзян Хуэем уже давно обзавелись семьями. У неё был сын, а Цзян Хуэй, унаследовав гены семьи Цзян, воспитывал двойняшек. Все трое племянников были уже взрослыми, им перевалило за двадцать — все они были старше Цзян Чэня.

— А кем работает твой муж? — спросил Цзян Чэнь.

— Тоже ученый, мой бывший сокурсник, — ответила Цзян Шилань.

— А мой племянник тоже пошел в медицину?

Цзян Шилань рассмеялась:

— Нет, ему это не интересно.

Цзян Чэнь кивнул — в семье наконец-то нашелся кто-то, кто, как и он, не связан с медициной.

— И чем же он занимается?

— Актерским мастерством, — ответила сестра, и её улыбка стала мягче. — Недавно получил звание киноактера года.

Надо же, в семье вырос киноактер.

— Есть фотография? — любопытствовал Цзян Чэнь.

Цзян Шилань открыла телефон. В эту эпоху телефоны были выполнены в форме часов или колец, и стоило коснуться их, как в воздухе возникал прозрачный экран. Она воспользовалась часами, разблокировала их, открыла короткое видео и протянула руку брату.

На экране молодой мужчина стоял на сцене с наградой и произносил благодарственную речь. Его черты лица напоминали Цзян Шилань, он был очень красив — наверняка у него полно фанаток.

— Как его зовут? — спросил Цзян Чэнь.

— Се Чэньян.

В этот момент в коридоре послышался шум, который не стихал еще некоторое время. Цзян Шилань велела брату отдыхать, а сама вышла выяснить, что случилось, оставив его под присмотром медбрата.

Медбрат был искусственным интеллектом.

За тридцать лет электронные технологии совершили огромный скачок, и ИИ постепенно вытеснил людей. В отличие от примитивных машин прошлого, нынешние роботы были куда реалистичнее, обладали человеческими голосами и делились на типы. Этот, например, был медицинским роботом. У отца был робот-нянька, а еще, говорят, существовала модель робота для одиноких людей, весьма популярная среди молодежи.

Медбрат, держа в руках яблоко, спросил:

— Вам почистить кожуру?

— Да, — ответил Цзян Чэнь. — А что там снаружи происходит?

— Не знаю.

— А что ты вообще знаешь?

— Я знаю, что в это время вам положено съесть фрукт, после чего полчаса отдохнуть, поставить две капельницы, а затем...

— Достаточно, — перебил Цзян Чэнь.

Он всё понял. Этот ИИ был приставлен к нему для выполнения строго определенных инструкций, и добиться от него сплетен не получится.

— А если я не буду слушаться? Есть какие-то принудительные методы?

— Я буду плакать, — ответил медбрат. — Других методов нет.

— Плакать?

— Это прописано в инструкции, — пояснил медбрат. — Ваши родные сказали, что вы понимаете только по-хорошему. Если вы не слушаетесь, мне нужно просто заплакать.

— ...А если и это не поможет?

— Я позову людей.

Цзян Чэнь взял яблоко и откусил кусочек. Вопросов больше не было.

Шум в коридоре стих, но Цзян Шилань так и не вернулась. Цзян Чэнь послушно провел ночь в покое, а на следующее утро узнал причину: исследовательская группа, вдохновленная его восстановлением, решила разморозить второго человека, но спасти его не удалось.

Члены группы проводили совещания два дня подряд, затем разморозили третьего — тот тоже не выжил.

На этот раз они совещались неделю, досконально изучая видео и данные разморозки Цзян Чэня, после чего осторожно разморозили четвертого. И снова неудача.

Цзян Чэнь: «.....»

Цзян Шилань и Цзян Канлэ, узнав об этом: «.....»

Цзян Канлэ примчался в институт и, увидев своего младшего сына, который только что вернулся к жизни, с облегчением и тревогой погладил его по голове.

Проект до сих пор вызывал споры. Технологии того времени были незрелыми, и хотя проект имел государственный статус, никто не знал, что будет дальше и стоит ли его афишировать. Поэтому всё держалось в секрете. Именно поэтому Цзян Чэнь, у которого были миллионы фанатов, не подходил на роль добровольца. Это Цзян Канлэ решил рискнуть и заключил соглашение: Цзян Чэнь будет первым. Выживет — хорошо, нет — послужит материалом для последующих исследований.

В институте работало немало его бывших учеников, а руководитель группы разморозки был его прямым воспитанником. Изначально они хотели сдвинуть Цзян Чэня в конец списка, но Цзян Канлэ, человек принципиальный, настоял на том, чтобы сын был первым. Никто не знал, что тогда, стоя за дверью, он дрожал всем телом.

Теперь, глядя на результат, невозможно было понять, зависело ли всё от индивидуальных особенностей или в процессе закралась крошечная ошибка. К счастью, сына поставили первым.

Цзян Чэнь проснулся спустя недолгое время и сонно пробормотал:

— ...Папа?

Цзян Канлэ снова погладил его по голове:

— Всё хорошо, просто зашел проведать. У меня днем совещание, я уже уйду. Спи.

Цзян Чэнь ответил «угу» и снова провалился в сон.

Проспав час, он проснулся, прошел серию проверок, немного отдохнул, а затем отправился с медбратом на прогулку в сад, заметив, что за ними следуют еще двое охранников.

Из десяти добровольцев разморозили четверых, трое из которых погибли. Остальных пока никто не решался трогать.

Исследовательская группа окружила единственного выжившего, наблюдая за ним двадцать четыре часа в сутки, боясь, что он может упасть и тут же испустить дух.

Проект зашел в тупик, окончательных выводов не было. Цзян Чэнь не знал, решатся ли они на дальнейшие эксперименты, но понимал, что в ближайшее время его никуда не отпустят. Впрочем, его не запирали, и, если не считать ограниченной территории, условия были терпимыми.

Цзян Шилань, боясь, что брату скучно, приходила к нему при любой возможности.

В тот день она проводила брата до палаты и только собралась спускаться, как ей позвонил сын по видеосвязи. Он сообщил, что уезжает на съемки и не вернется домой.

— Ты же говорил, что сможешь побыть дома несколько дней? — спросила она.

Се Чэнъянь вздохнул:

— Встретил за границей Фан Цзинсина, пообщались пару дней, а потом пришлось выручать коллег на шоу, времени совсем не осталось. — Он запнулся. — Кстати, мам, там на моё имя посылка не приходила?

— Приходила, уже месяц лежит.

— Перешли её на съемочную площадку... хотя нет, забудь. Вряд ли у меня будет время играть.

— А что там?

— Голографическое оборудование для «Мира грез», — расстроенно ответил Се Чэнъянь. — Еле выбил доступ к закрытому бета-тесту, надеялся поиграть на каникулах.

Цзян Шилань замерла:

— «Мир грез»?

— Да, та самая игра, в которую играет Фан Цзинсин. Сейчас выпустили голографическую версию.

Цзян Шилань помолчала несколько секунд:

— У меня есть... один знакомый, он тоже любит «Мир грез». Если ты не будешь играть, можно я пока отдам её ему? Когда вернешься, я верну тебе.

Се Чэнъянь легко согласился. Это было лишь закрытое тестирование, в котором обычно полно багов. Он хотел получить аккаунт из чистого любопытства, а к тому времени, как он закончит съемки, игра уже наверняка выйдет в официальный релиз.

Цзян Шилань после работы забрала посылку, а на следующий день передала её брату.

Цзян Чэнь после пробуждения интересовался «Миром грез» и его первой мыслью было: «Прошло тридцать лет, а игра до сих пор не загнулась».

Он знал о бета-тесте голографической версии, но приглашения получали только топовые игроки и стримеры, количество мест было крайне ограничено. Он и представить не мог, что сестра сможет раздобыть аккаунт.

— Это твоего племянника, он уехал на съемки, играть некогда, — сказала Цзян Шилань. Она

помолчала и напомнила: — У тебя сейчас особое положение, ты понимаешь.

— Угу, я подписал соглашение о неразглашении, — ответил Цзян Чэнь.

Сестра успокоилась и больше не стала его беспокоить.

Цзян Чэнь по диагонали просмотрел инструкцию, надел очки, лег на кровать и вошел в «Мир грез».

На него нахлынула знакомая, но в то же время чужая фоновая музыка. Дыхание перехватило, кровь забурлила от предвкушения, но тут же он вспомнил о своем состоянии и о том, что неизвестно, сможет ли когда-нибудь вернуться на профессиональную арену. Настроение испортилось.

Поэтому капитан Цзян, глядя на пустую строку для ID, от нечего делать вбил набор бессмысленных символов и оказался в деревне новичков.

Мир игры делился на три расы: людей, демонов и зверолодей. В те времена, когда играл Цзян Чэнь, были только люди и демоны, теперь же добавили зверолодей и несколько новых классов, которых он не знал.

Он по-прежнему выбрал класс «Запечатыватель» и прогулялся по землям демонов, чувствуя себя первооткрывателем. Одно дело играть через экран, и совсем другое — находиться внутри мира. Даже ветер, дующий в лицо, казался настоящим.

Бета-тест шел уже почти месяц, передовые отряды давно достигли главных городов, и в локациях, кроме NPC, не было ни одной живой души. Очень тихо. Он поговорил с парой NPC, выполнил пару квестов, поднял пару уровней и больше не стал продолжать, а просто побродил вокруг.

Пейзажи земель демонов были темных тонов — в основном черный, темно-фиолетовый и призрачно-синий.

Он не спеша дошел до центральной площади и вдруг замер.

Перед ним стояла статуя Запечатывателя, одежда и аксессуары которой казались до боли знакомыми.

На постаменте была выгравирована надпись: Чэнь Хуэй Лань Лэ (Цзян Чэнь 1999-2017), MVP второго сезона профессиональной лиги «Мира грез».

Статуя была без расцветки, чисто черная, величественная и торжественная. Неизвестно, сколько лет она простояла в мире игры, ожидая, пока её игрок придет на неё посмотреть.

На душе у Цзян Чэня стало беспокойно. Краем глаза он заметил неподалеку еще несколько статуй и, подойдя к ним, быстро понял закономерность.

Это были все MVP прошлых лет. Иначе, учитывая тридцать два года существования лиги, если бы изваяли всех чемпионов, площадь превратилась бы в терракотовую армию. К тому же статуи были разделены по расам — все эти были демонами, значит, в землях людей и зверолодей наверняка стояли свои герои.

Он остановился перед последней статуей. Причина была проста: этот игрок получил слишком много наград MVP, включая мировые.

Фан Цзинсин после ухода из киберспорта путешествовал за границей и только недавно вернулся.

Голографическая версия требовала специального оборудования, которое доставили ему домой, поэтому он тоже начал играть только сейчас. Он думал, что в деревне новичков уже никого нет, но, к своему удивлению, увидел игрока.

Он подошел и, заметив, что Запечатыватель стоит перед его статуей, не двигаясь, спросил:

— Ты фанат капитана Фана?

Цзян Чэнь взглянул на него и, вспомнив о соглашении о неразглашении, ответил:

— Угу.

Фан Цзинсин не ожидал, что даже спустя месяц после начала теста встретит фаната, и решил уточнить:

— И что тебе в нем нравится?

— Ну, он крутой, — ответил Цзян Чэнь.

Фан Цзинсин с сомнительной улыбкой произнес:

— О, и всё?

Цзян Чэнь не понимал, откуда у этого человека столько вопросов, и пожалел, что признался в фанатстве. Он решил ответить честно:

— Здоровье.

Он посмотрел на незнакомые классы на статуе, на незнакомых людей и на кучу наград, и искренне добавил:

— И живучесть.

Фан Цзинсин спросил это просто так, уже собираясь уходить, но, услышав ответ, остановился и с любопытством попросил:

— Объяснишь?

<http://bllate.org/book/20026/1977044>